

Theory Talks

Presents

THEORY TALK #66

ALEXANDER DUGIN ON EURASIANISM, THE GEOPOLITICS OF LAND AND SEA, AND A RUSSIAN THEORY OF MULTIPOLARITY

Theory Talks

is an interactive forum for discussion of debates in International Relations with an emphasis of the underlying theoretical issues. By frequently inviting cutting-edge specialists in the field to elucidate their work and to explain current developments both in IR theory and real-world politics, *Theory Talks* aims to offer both scholars and students a comprehensive view of the field and its most important protagonists.

Citation: Millerman, M. (2014) 'Theory Talk #66: Alexander Dugin on Eurasianism, the Geopolitics of Land and Sea, and a Russian Theory of Multipolarity', *Theory Talks*, <http://www.theory-talks.org/2014/12/theory-talk-66.html> (7-12-2014)

ALEXANDER DUGIN ON EURASIANISM, THE GEOPOLITICS OF LAND AND SEA, AND A RUSSIAN THEORY OF MULTIPOLARITY

IR has long been regarded as an Anglo-American social science. Recently, the discipline has started to look beyond America and England, to China ([Theory Talk #51](#), [Theory Talk #45](#)), India ([Theory Talk #63](#), [Theory Talk #42](#)), Africa ([Theory Talk #57](#), [Theory Talk #10](#)) and elsewhere for non-Western perspectives on international affairs and IR theory. However, IR theorists have paid little attention to Russian perspectives on the discipline and practice of international relations. We offer an exciting peek into Russian geopolitical theory through an interview with the controversial Russian geopolitical thinker Alexander Dugin, founder of the [International Eurasian Movement](#) and allegedly an important influence on Putin's foreign policy. In this *Talk*, Dugin—among others—discusses his Theory of a Multipolar World, offers a staunch critique of western and liberal IR, and lays out Russia's unique contribution to the landscape of IR theory.

What, according to you, is the central challenge or principle debate within IR and what would be your position within this debate or towards that challenge?

Поле МО чрезвычайно интересно и многомерно. Вообще эта дисциплина гораздо более многообещающая, чем принято думать. Я думаю, что сегодня существует стереометрия в МО, в которой можно выделить сразу несколько осей.

Первая самая традиционная ось: реализм – Английская школа – либерализм

Если на академическом уровне здесь дебаты исчерпаны, то на уровне публицистики, политиков, СМИ и журналисты, все аргументы и методики, напротив, оказываются раз за разом чем-то новым и невиданным. Сегодня в массовом сознании доминирует либерализм в МО, и реалистские аргументы, уже подзабытые на уровне массовых дискуссий могли бы смотреться довольно свежо. С другой стороны, прекрасно изученная в академических кругах и нюансированная модель Английской школы для широкой публики могла бы выглядеть как «откровение». Но для этого необходима широко освещенная симметрия либералы/реалисты, чтобы Английская школа обрела смысл и могла бы раскрыть весь свой потенциал. В условиях радикальной доминации либерализма в МО – это невозможно. Поэтому я прогнозирую в этой сфере новую волну реалистов и неореалистов, которые, будучи изрядно подзабытыми и почти маргинализированными, вполне могли бы напомнить о себе и своей agenda. Что, мне кажется, произвело бы

освежающий эффект и разнообразило бы палитру массовых и общественных дебатов, которые сегодня становятся монотонными и автореферентными.

Вторая ось – буржуазные версии МО (все вместе реализм – Английская школа – либерализм) vs марксизм в МО. Эта тема в массовом поле, да и в академическом дискурсе, вообще снята, хотя широкая популярность Валлерстайна и других версий мир-системы показывает уровень интереса к этой критической версии классических позитивистских МО.

Третья ось – пост-позитивизм во всех его разновидностях vs позитивизм во всех его разновидностях (включая марксизм). У ученых МО могло сложиться впечатление, что постмодернистские атаки завершились и удачно отбиты «критическим реализмом», но, на мой взгляд, это вообще не так. От умеренного конструктивизма и нормативизма до крайнего постструктурализма – постпозитивистские теории несут в себе колоссальный деконструктивный и соответственно научный потенциал, который еще и не начал быть по-настоящему осмысляться. Кому-то показалось, что постмодернизм это веселая игра. Это не так. Это новая пост-онтология, и она фундаментально аффицирует всю эпистемологическую структуру МО. Эта ось, на мой взгляд, остается важнейшей и принципиальной.

Четвертая ось – вызов социологии международных отношений, который можно назвать «вызовом Хобсона». На мой взгляд, Дж. Хобсон в своей критике евроцентризма в МО заложил основу для совершенно нового подхода ко всей проблематике, предложив рассмотреть структурное значение «евроцентристского» фактора как доминанты и прояснив его расистскую составляющую. Превратив евроцентризм в переменную и отойдя от универсалистского расизма Запада, на котором строятся все системы МО, включая большинство постпозитивистских (ведь постмодерн – это исключительно западное явление!), мы получаем – пока теоретически – вообще совершенно иную дисциплины, и видимо, не одну. Если учесть различие между культурами, то систем МО может быть столько же, сколько и культур. Эту ось я считаю важнейшей.

Пятая ось, намеченная еще слабее, чем предыдущая – это теория многополярного мира (ТММ) vs все остальное. ТММ разработана в России, которую на всем протяжении становления МО как дисциплины вообще никто всерьез не принимал, отсюда вполне объяснимый скепсис.

Шестая ось – МО vs геополитика. Геополитическая топка обычно рассматривается как побочная в контексте МО. Но постепенно эпистемологический потенциал геополитики становится все более очевидным, несмотря всю критику, а может быть отчасти и благодаря ей. Стоит только задать себе вопрос, какова структура любого геополитического концепта, как обнаруживается огромный потенциал, заложенной в этой методологии, уводящий к сложнейшей и насыщенной семантически теме философии и онтологии пространства.

Если теперь наложить эти оси друг на друга, мы получаем чрезвычайно сложное и интереснейшее теоретическое поле. При этом в массовый сектор нормативно сегодня попадает только одна ось, первая, да и то почти при тотальном и плоском доминировании либерализма в МО. Все богатство и вся «научная демократия» и гносеологический плюрализм остальных осей широкой публике не доступен, что делает ее обкраденной и отчасти обманутой. Я называю эту доминацию либерализма в массово дискурсе «третьим тоталитаризмом», но это уже другая тема.

How did you arrive at where you currently are in your thinking about IR?

Я начинал с евразийства, от него перешел к геополитике (Савицкий цитировал Макиндера) и долгое время оставался в рамках, развивая тематику дуализма Суши/Моря и применяя ее к актуальной ситуации (с успехом). Так была создана евразийская школа геополитики, ставшая не просто доминирующей, но единственной в современной России. Как профессор МГУ я возглавил на 6 лет кафедру социологии международных отношений, что заставило меня профессионально познакомиться с классическими теориями МО, основными авторами, подходами и школами. Так как меня давно интересует постмодернизм в сфере философии (на эту тему я написал книгу «Постфилософия»), то в области МО я с особым вниманием отнесся к постпозитивизму. Так я вышел на критическую теорию в МО, неограмшизм и социологию МО (Хобсон, Хобден и т.д.). Именно через суперпозиции геополитического дуализма, теорию Grossraum К. Шмитта и критику западного расизма и евроцентризма в МО у Дж. Хобсона я подошел вплотную к теории многополярного мира, которую в конце концов и разработал.

In your opinion, what would a student need in order to become a specialist in IR?

В наше междисциплинарное время я полагаю, что важнее всего знакомство с философией и социологии, причем во главе всего должен идти парадигмальный метод – разбор типов обществ, культур и структур мышления по линии Премодерн-Модерн-Постмодерн. Если научиться проследивать семантические сдвиги в этих трех эпистемологических и онтологических областях, это поможет осваивать сегодня любые массивы теорий МО. Теория интернациональных систем Б. Бузана – пример такой обобщающей и очень полезной схематизации. Сегодня специалист в МО должен быть непременно знакомым с деконструкцией и владеть ей хотя в начальном виде. Без этого есть большая опасность упустить самое главное.

Другой важнейшей компетенцией является история и политология. Политология дает обобщающий редуционистский материал, а история помещает схемы в живой контекст. Лишь на третье место я бы поставил компетенции в области экономики и политической экономии, хотя сегодня ни одна проблема в МО без отсылки к экономическому смыслу процессов и взаимодействий не может рассматриваться. И последнее, я бы настоятельно порекомендовал студентам МО приоритетно знакомиться с геополитикой и ее методами. Эти методы намного проще теорий МО, но их смыслы гораздо глубже. На первом уровне редуционизм геополитики дает мгновенный эффект: сложные и запутанные процессы мировой политики оказываются во мгновение ока прозрачными и понятными. Но чтобы разобраться, как такой эффект достигается, требуется долгое и серьезное исследование геополитики, намного превышающее тот поверхностный наскок, которым ограничиваются критические геополитики (О’Туатайл и ко): они стоят у истоков дешифровки геополитики и ее полноценной деконструкции, хотя считают себя ее чемпионами. Преждевременно.

In your book *International Relations*, not yet published in English, you set out your Theory of a Multipolar World as an IR theory distinct from realism, liberalism, neo-realism, neo-liberalism, post-structuralism, constructivism, and other major IR approaches. What are the basic components of the Theory of a Multipolar World—and how is it different from classical realism?

Чтобы быть понятным и не входить в детали, я могу сказать, что ТММ всерьез и аксиоматически принимает тезис С. Хантингтона о множестве цивилизаций. В России есть свой автор, утверждавший тоже самое более ста лет назад – Николай Данилевский, а затем евразийцы. Все начинается однако именно с этого: цивилизаций не одна, а много. Претензии западной цивилизации на универсализм суть трансфер воли к доминированию и авторитарному дискурсу. Это можно учитывать, но доверять нельзя, это не что иное как стратегии подавления и гегемонии. Отсюда вытекает следующий момент: от мышления в терминах одной цивилизации (расизм евроцентрических версий МО) мы должны перейти к плюрализму субъектов. Однако в отличие от реалистов, которые берут в качестве субъектов национальные Государства, которые сами по себе есть самоповторяющиеся кальки, клоны европейского, буржуазного и модернистского понимания Политического, ТММ предлагает рассматривать субъектами именно цивилизации. Не Государства, а цивилизации. Я называю их «большими политиями», соответствующими «большим пространствам» К. Шмитта. Как только мы приняли цивилизации-«большие политии» за субъектов, далее к ним можно применять всю систему реализма – хаос в международных отношениях, суверенитет, рациональность эгоистического поведения и т.д. Но внутри эти «политии», напротив, действует принцип, более напоминающий либерализм с его пацифизмом и интеграцией – с той лишь разницей, что здесь речь идет не о «Планетарном» или «глобальном» мире, а о внутрицивилизационном, и не о глобальной интеграции, а о региональной – строго в рамках цивилизационных границ. Постпозитивизм помогает здесь для деконструкции авторитарного дискурса Запада, маскирующего свои частные интересы под «всеобщие ценности», а также для реконструкции цивилизационной идентичности – в том числе и с помощью технических средств: цивилизационные элиты, цивилизационные СМИ, цивилизационные экономические агломераты и корпорации и т.д. Вот так в целом.

Your theory of multipolarity is directed against the intellectual, political, and social hegemony of the West. At the same time, while drawing on the tools of neo-Marxist analysis and critical theory, it does not oppose Western hegemony “from the left,” as those approaches do, but on the basis of traditionalism (Guenon, Evola), cultural anthropology, and Heideggerian phenomenology, or “from the right.” Do you think that such an approach can appeal to Anglo-American IR practitioners, or is it designed to appeal mainly to non-Western theorists and practitioners? In short, what can IR theorists in the West learn from the theory of multipolarity?

Запад, согласно совершенно корректному анализу Дж. Хобсона, основан на фундаментальном расизме. Разницы между эволюционистским расизмом Моргана (дикость, варварство, цивилизация) и биологическим расизмом Гитлера нет никакой. Сегодня то же самое утверждается без привязки к расе, но на основе технологических укладов и степени модернизации и прогресса обществ (критерий, как всегда, «как на Западе» - это общая мера). Западный человек есть законченный расист до мозга костей, обобщивший свой этноцентризм до мегаломанических пропорций. Что-то мне подсказывает, что его невозможно изменить. Даже радикальные критики западной гегемонии, сами глубинно заражены расистским вирусом универсализма, что на примере «ориентализма» прекрасно показал Э. Саид, доказавший, что антиколониальная борьба есть форма все того же колониализма и евроцентризма. Поэтому ТММ едва ли найдет своих приверженцев в западном мире, разве что у тех ученых, кто всерьез способен осуществить деконструкцию западной идентичности, а такая деконструкция предполагает отказ и от правых (националистических), и от левых (универсалистских и прогрессистских) клише. Расизм Запада принимает всегда разные формы, сегодня его

приоритетной формой является либерализм, а антилиберальные теории (в основном левые) заражены тем же универсализмом, правые же дискредитированы. Поэтому я апеллирую не к первой политической теории (либерализм), ни ко второй (коммунизм, социализм), ни к третьей (фашизм, национализм), а к четвертой (4ПТ), основанной на радикальной деконструкции субъекта Нового времени и экзистенциальной аналитике (М. Хайдеггер). Традиционалисты же привлекаются здесь для критики западного Модерна с углубленными позициями и обоснования плюральности цивилизаций и реабилитации незападных культур (Премодерн). В России и странах Азии ТММ воспринимается легко и естественно, на Западе же сталкивается во вполне понятной и вполне ожидаемой враждебностью, нежеланием вчитываться и грубой клеветой. Но везде есть исключения.

What is the Fourth Political Theory and how is it related to the Theory of a Multipolar World and to your criticism of the prevailing theoretical approaches in the field of IR?

Об этом я немного рассказал при ответе на предыдущий вопрос. 4ПТ важна для того, чтобы уйти от жесткой доминанты Модерна в сфере Политического, для релятивизации Запада и его ререгионализации. Запад мерит всю историю Нового времени в терминах борьбы за главенство трех политических идеологий (либерализма, социализма и национализма). Но так как Запад ни на мгновение не ставит под вопрос, что мыслит за все человечество, то в этой же топике оценивает и иные культуры и цивилизации, не задумываясь над тем, что в лучшем случае аналоги этим трем идеологиям суть чистые симулякры, а чаще всего вообще никаких аналогов и нет. Если либерализм победил в ходе конкуренции трех идеологий на Западе в конце XX века, это еще не значит, что эта идеология по-настоящему универсальна в планетарном масштабе. Это не так вообще. Это эпизод западной политической истории Нового времени, может быть судьба Запада, но не судьба мира. Поэтому нужны другие принципы Политического, за пределом претендующего на глобальную доминацию либерализма (=третий тоталитаризм) и его провалившихся исторически столь же западных и столь же современных альтернатив (коммунизм и фашизм. Отсюда необходимость введения 4ПТ как политологического фрейма для корректного обоснования ТММ. 4ПТ это прямой и необходимый коррелят ТММ в области политологии.

Is IR an American social science? Is Russian IR as an academic field a reproduction of IR as an American academic field? If not, how is IR in Russia specifically Russian?

МО западная научная дисциплина и как таковая несет в себе прекрептивный нормативный вектор. Она не просто исследует доминацию Запада, она ее создает, укрепляет, защищает и пропагандирует. МО – безусловно властный авторитарный дискурс западной цивилизации, в отношении самой себя и всех остальных областей планеты.

США сегодня являются ядром Запада, поэтому, естественно, МО в XX веке, по мере того как США шли к этому статусу, становилась все более и более американской (начиналась она как английская наука). Точно также обстоят дела и с геополитикой, мигрировавшей из Лондона в Вашингтон и Нью-Йорк вместе с функцией мировой морской Империи. Как и все остальные науки, МО – это форма властного насилия, воплощающей волю к власти в волю к знанию (Фуко).

МО в России остается чисто западной, и более того, есть одна деталь: в СССР МО как таковая не изучалась – марксизм в МО не соответствовал советским реалиям, где после Сталина большую роль играл практический (не осознанный теоретически и никогда не признаваемый) реализм (лишь внешние наблюдатели – такие как Э. Карр, классик реализма, понимали реалистскую сущность сталинизма в МО). Поэтому МО была заблокирована вообще. Первые учебники стали появляться лишь в 90-е и были по моде дня целиком либеральными. Так оно и осталось до сих пор. Особенность МО в России

сегодня, что там вообще нет не только ничего российского, русского, но там полностью доминирует либерализм, отсутствует корректное изложение реализма, и почти не рассматривается постпозитивизм. В результате это урезанная агрессивно либеральная и чрезвычайно устаревшая версия МО как дисциплины. Я пытался с этим бороться, выпустив недавно учебник МО со взвешенными (надеюсь) пропорциями, но о результате пока судить рано.

Stephen Walt argued in a September article in Foreign Policy that Russia “is nowhere near as threatening as the old Soviet Union,” in part because Russia “no longer boasts an ideology that can rally supporters worldwide.” Do you agree with Walt’s assessment?

В этом что-то есть. Сегодня Россия мыслит себя как национальное Государство. Путин реалист, не более того. В этом Уолт прав. Но ТММ и 4ПТ, а также евразийство представляют собой наброски намного более широкой и масштабной идеологии, обращенной против западной гегемонии и бросающей вызов либеральной глобализации и американскому стратегическому господству. Конечно, Россия как национальное Государство не конкурент Западу. Но как плацдарм ТММ и 4ПТ она меняет свое значение. Индикатором является политика России на постсоветском пространстве и смелость в заключении незападных альянсов. Путин тестирует этот концептуальный потенциал пока очень робко. Но ужесточение отношений с США и скорее всего внутренние кризисы глобализации заставят в какой-то момент отнестись к созданию глобальных альтернативных альянсов более внимательно и серьезно. Тем не менее уже намечаются такие союзы – ШОС, БРИКС, Евразийский Союз и они требуют новой идеологии. Не такой как марксизм, любой универсализм исключен, но и не просто реалистские маневры региональных гегемоний. Либерализм это глобальный вызов. Ответ на него должен быть также глобальным. Понимает ли это Путин? Честного скажу, не знаю. Иногда кажется, что да, иногда кажется, что нет.

Vladimir Putin recently characterized the contemporary world order as follows: “We have entered a period of differing interpretations and deliberate silences in world politics. International law has been forced to retreat over and over by the onslaught of legal nihilism. Objectivity and justice have been sacrificed on the altar of political expediency. Arbitrary interpretations and biased assessments have replaced legal norms. At the same time, total control of the global mass media has made it possible when desired to portray white as black and black as white.” Do you agree with this assessment? If so, what is required as a response to this international situation?

Это верные, но довольно наивные слова. Путин просто возмущается, что Запад устанавливает правила в своих интересах, меняет их по мере необходимости и толкует якобы «универсальные нормы» как ему выгодно. Но дело в том, что такова структура воли к власти и сама организация логофаллофоноцентристского дискурса. Объективность и справедливость невозможны до тех пор, пока речь представляет собой монолог. Запад не знает и не признает другого. А значит, все будет продолжаться, пока этот другой не отвоюет право на признание. А это долгий путь. Смысл ТММ в том, что не существует правил, устанавливаемых кем-то одним. Правила должны устанавливать центры реальной силы. Государство сегодня слишком мало для этого. Отсюда вывод: ими должны быть цивилизации. Пусть будет атлантистская объективность и западная справедливость. Им будет противопоставлена евразийская объективность и русская справедливость. А китайский мир (Рах Сина) будет выглядеть иным, чем исламский. Черное и белое не объективные оценки, они зависят от структуры миропорядка: что черное, а что белое определяет тот, кто имеет для этого достаточное могущество.

How does your approach help us understand Russia's actions on the world stage better than other IR approaches do? What are IR analyses of Russia missing that do not operate with the conceptual apparatus of multipolarity?

Интересный вопрос. Поведение России в международной сфере сегодня определяется следующими факторами: историческая инерция, аккумулирующая силу прецедентов (ГММ считает, что прошлое существует как структура, следовательно, этот фактор учитывается многомерно и детально, тогда как «темпоцентризм» (Хобден, Хобсон) классических теорий МО это упускает из виду – особенно это следует иметь в виду, учитывая, что Россия во многом все еще традиционное общество и принадлежит к «имперской системе» МО – кроме того существует и советская инерция, устойчивые мотивы «сталинизма в МО»); проективная логика оппозиции Западу, исходя из самых практических, прагматических и реалистских мотиваций (в духе цезаризма, разобранного неограмшистами), обязательно приведет Россию (даже вопреки воли ее лидеров) к системной конфронтации с американской гегемонией и глобализацией, а тогда ТММ будет по-настоящему востребованной (классические модели МО, не уделяя внимания ТММ, упускают из виду возможное будущее, то есть обкрадывают свой прогностический потенциал в силу чисто идеологических предрассудков и самонавязанных страхов). Но если противник тебя не дооценивает, у тебя больше шансов нанести ему неожиданный удар. Поэтому я не слишком расстраиваюсь из-за недооценки ТММ среди теоретиков МО.

If your IR theory isn't based on politically and philosophically liberal principles, and if it criticizes those principles not from the left but from the right, using the language of large spaces or *Grossraum*, is it a fascist theory of international relations? Are scholars who characterize your thought as “neo-fascism”, like Andreas Umland and Anton Shekhovstov, partially correct? If not, why is that characterization misleading?

Обвинения в фашизме просто фигура речи в грубой политической пропаганде, присущей современному либерализму, как третьему тоталитаризму. Начало этому положил К. Поппер в его «Открытом обществе и его врагах», где он сводит критику либерализма справа к фашизму, Гитлеру и Освенциму, а критику либерализма слева – к Сталину и ГУЛАГу. Реальность несколько сложнее, но финансирующий Умланд и Шеховцова Дж. Сорос, ярый последователь Поппера удовлетворяется редуцированной версией политики. Если бы я был фашистом, я бы так и сказал. Но я представитель евразийства и разработчик 4ПТ. При этом я последовательный и радикальный антирасист и противник национального Государства (т.е. антинационалист). Евразийство никакого отношения к фашизму не имеет. А 4ПТ подчеркивает, что будучи антилиберализмом, является одновременно антикоммунизмом и антифашизмом. По-моему яснее некуда, но пропагандистская армия «третьего тоталитаризма» считает иначе и никакие аргументы ее не убедят. 1984 надо искать сегодня совсем не там, чем многие думают – ни в СССР, ни в Третьем Райхе, а в Фонде Сороса и «прекрасном новом мире». Кстати, Хаксли оказался более прав, чем Оруэлл. Я не могу запретить называть себя фашистом, хотя им не являюсь, но это, в конце концов, скажется негативно не только на мне, сколько на самих обвинителях – борясь с мнимой угрозой он пропустят реальную. Чем глупее, лживее и прямолинейнее либерал, тем проще с ним бороться.

In the western world, the divide between academia and policy is often either lamented ('ivory tower') or, in light of the ideal of academic independence, deemed absent. This concerns a broader debate regarding the relations between power, knowledge and

geopolitics. How are academic-policy relations in Russia with regards to IR and is this the ideal picture according to you?

Я думаю, что в нашем случае обе эти позиции доведены до крайности. С одной стороны, современная власть в России на ученых вообще не обращает ни малейшего внимания, отсылая их в безвоздушное и стерильное пространство. С другой, советские привычки стали основой сервильности и конформизма, сохранившись в ситуации, когда власть впервые ничего от интеллектуалов и не требует – кроме одного, чтобы он не лез в общественно-политические процессы. Поэтому ситуация с наукой и анекдотичная и печальная. Ученые конформистски следуют за властью, а власти этого не надо, так как она не столько куда-то следует сама, сколько реагирует на свершающиеся сами собой факты. Хотя может быть не только у нас так.

What does it entail to think of global power relations through a spatial lens (*Mysl'it prostranstvom*)?

Это самое главное. Вся философская топика Модерна построена на доминанте времени. Уже Кант располагает время на стороне субъекта (а пространство на стороне тела, продолжая идеи Декарта и даже Платона), а Гуссерль и Хайдеггер вообще отождествят субъект со временем. Модерн мыслит временем, становлением. Но так как прошлое и будущее отрицаются как онтологические реалии, то мыслить времени превращается в мыслить мгновением, тем что есть здесь и сейчас. Это основа эфемерного понимания бытия, суженного до момента. Мыслить пространство значит помещать бытие вне настоящего, располагать его в пространстве, придавать пространству онтологический статус. То, что было, запечатлено в пространстве и хранится в нем. То, что будет зреет в пространстве и уже в нем заложено. Это и есть основа политической географии Ратцеля и последующей геополитики. Парсифаль Вагнера заканчивался словами Гурнеманца: сейчас время перешло в пространство. Это провозвестие триумфа геополитики. Мыслить пространство значит мыслить в совершенно иной топике. Я полагаю, что постмодерн уже отчасти подошел к этой перспективе, но только остановился на пороге, так как чтобы перейти черту необходимо радикально порвать со всей аксиоматикой Модерна, реально переступить Модерн, а не имитировать этот переход, оставаясь все еще в Модерне и его темплатрини. Русские люди пространства, поэтому оно у нас такое огромное. В пространстве скрыта тайна русской идентичности. Мыслить пространство значит мыслить по-русски.

Geopolitics is argued to be very popular in Russia nowadays. Is geopolitics a new thing, from the post-Cold War period, or not? And if not, how does current geopolitical thinking differ from earlier Soviet (or even pre-soviet) geopolitics?

Это совершенно новая форма политического мышления. Я привнес геополитику в Россию с конца 80-х, и с тех пор она стала чрезвычайно популярна. Я пытался найти какие-то следы геополитики в русской истории, но кроме Вандама, Семенова-Тяньшанского и пары небольших статей Савицкого ничего найти не удалось. В СССР намек на геополитику карался самым жестоким образом (см. «Дело геополитиков» экономического географа В.Э.Дена и его группы). С начала 90-х моими стараниями и стараниями моих последователей и сподвижников геополитика (=евразийство) заполнили мировоззренческий вакуум, образовавшийся после конца советской идеологии. Вначале это безоговорочно приняли военные (Военная Академия Генштаба – особенно при И. Родионове). Затем геополитика стала проникать во всех страты общества. Сегодня эта дисциплина преподается в большинстве российских ВУЗов. Так что советской или до-советской геополитики не существовало. Есть только современная евразийская школа,

сложившаяся с конца 80-х. «Основы геополитики» был первым программным учебником этого направления, хотя большинство текстов из этой книги я опубликовал ранее, а часть циркулировала в качестве текстов во властных кругах. Недавно в 2012 я выпустил два новых учебника «Геополитика» и «Геополитика России», которые наряду с книгой «Война континентов» представляют собой результат работы в этом направлении, длинной в четверть века.

Does technological change in warfare and in civil government challenge the geopolitical premises of classical divisions between spaces (Mackinder's view or Spykman's) heartland-rimland-offshore continents)? And, more broadly perhaps, does history have a linear or a cyclical pattern, according to you?

Технологическое развитие совершенно не отменяет принципов классической геополитики, просто потому, что Суша и Моря – это не вещества, а концепты. Суша – это центростремительная модель порядка, с ярко выраженной и постоянной осью. Море -- это поле, не имеющее твердого центра, процессуальность, атомизм и возможность многочисленных бифуркаций. В определенном смысле воздух (а значит и авиация) – это воздухоплавание. И даже слово космонавт содержит в себе корень «наутос», по-гречески корабль. Вода, воздух космос – это версии все более разряженного Моря. Суша же в этой ситуации остается неизменной. Морская стратегия диверсифицируется, сухопутная остается в целом константной. Возможно, это причины побед Моря над Сушей в последние десятилетия, ведь капитализм и технический прогресс – это типичные атрибуты Моря. Но учитывая фундаментальность баланса Левиафана и Бегемота пропорции в любой момент могут перевернуться и взлетевший титан низринется в бездну, как Атлантида, а причина победы талассократии станет истоком ее краха. Суша же остается неизменной, как географическая ось истории. Суша и Моря есть даже в интернете и в виртуальном мире: это оси и алгоритмы тематизации, объединения и разъединения, группировки ресурсов и протоколов. Китайский интернет – сухопутный. Западный – морской.

You call yourself the 'last philosopher of empire'. What is Eurasianism and how does it relate to the global pivot of power distributions?

Евразийство – это развитое мировоззрение, которому я посвятил несколько книг и бесчисленное количество статей и интервью. В принципе оно лежит в основе ТММ, 4ПТ, сопряжено с геополитикой и резонирует с традиционализмом. Главная мысль евразийства – это плюральная антропология, отвержение универсализма. Смысл Империи для меня в том, что существует не одна Империя, а как минимум две, а то и больше. Ровно также цивилизация не бывает единственной, всегда есть еще какая-то цивилизация, которая и определяет ее границы. К. Шмитт называл это Плюриверсумом и считал главной чертой Политического. Евразийская Империя – это политико-стратегическое объединение Турана, географической оси истории в оппозиции цивилизации Моря или атлантистской Империи. Сегодня такой атлантистской Империей является США. Кеннет Уолтц в МО в рамках неореализма концептуализировал баланс двух полюсов. Это очень верно, хотя он и ошибся относительно устойчивости двухполярного мира и длительности СССР. Но в целом он прав: в мире существует глобальный баланс Империй, не национальных Государств, большинство из них не могут претендовать на суверенитет, который остается номинальным, «глобальным лицемерием» (Krasner). Именно поэтому я философ Империи, как почти каждый американский интеллектуал, осознает ли он это или нет. Разница лишь в том, что он мыслит себя философом единственной Империи, а я – философом одной из Империй, евразийской. Я скромнее и демократичнее. В этом вся разница.

You have translated a great number of foreign philosophical and geopolitical works into Russian. How important is knowledge transaction for the formation of your ideas?

Недавно я закончил первую редакцию моей книги Ноомахии, которая целиком посвящена как раз Логосам разных цивилизаций, а значит, и циркуляции идей. Я убежден, что каждая цивилизация имеет свой особый Логос. И постигать его, находит параллели, аналоги и диссонансы со своим Логосом – в высшей степени увлекательно и интересно. Поэтому и искренне интересуюсь самыми разными культурами – от северо-американской до австралийской, от арабской до латино-американской, от полинезийской до скандинавской. Все Логосы различны и иерархии между ними установить нельзя. Поэтому нам остается только в них вживаться. Анри Корбен, французский философ и протестант, изучавший всю жизнь иранский шиизм, говорил о себе «мы шииты». Он не был шиитом в религиозном смысле, но не чувствуя себя шиитом, он не смог бы проникнуть в глубину иранского Логоса. Так и я чувствовал себя, работая над Ноомахией или переводя с разных языков философские тексты или поэзию: в частности, изучая Пирса и Джемса, Эмерсона и Торо, По и Паунда я переживал себя в как «мы американцы». А в томе, посвященном Китаю и Японии – «мы буддисты». Это высшее богатство Логос разных культур: и похожих на нашу, и совершенно не похожих. И эти Логосы находятся в войне, отсюда Ноомахия – войны ума. Она не линейна и не примитивна. Это великая война. Она и творит то, что мы называем «человек» и всю глубину и сложность чего мы чаще всего недооцениваем.

Alexander Dugin is a Russian philosopher, the author of over thirty books on topics including the sociology of the imagination, structural sociology, ethnosociology, geopolitical theory, international relations theory, and political theory, including four books on the German philosopher Martin Heidegger. His most recent books, only available in Russian at the moment, are *Ukraine: My War* and the multi-volume *Noomachia: Wars of the Intellect*. Books translated into English include [*The Fourth Political Theory*](#), [*Putin vs. Putin: Vladimir Putin Viewed From the Right*](#), and [*Martin Heidegger: The Philosophy of Another Beginning*](#).

Related links

- [TheFourth Political Theory website](#) (English):
- [Evrazia.tv](#) (Russian)
- [Evrazia.tv](#) (English)
- [Geopolitics.ru](#) (English version)
- [InternationalEurasian Movement](#) (English version)
- [Centerfor Conservative Studies](#) (Russian)